

18+

Неополькин А.А.

КРИСТАЛЛИЗАЦИЯ

УЗЛЫ

Алексей Неополькин

Кристаллизация: Узлы

«Издательские решения»

Неополькин А. А.

Кристаллизация: Узлы / А. А. Неополькин — «Издательские решения»,

События разворачиваются между первым и вторым томами «Кристаллизации». Пока Алиса в опустевшем мире учится видеть гнилые нити судеб, Алексей добровольно выбирает капитуляцию. Получив мистический билет на поезд, он оказывается в ловушке вечного рейса, где время застыло на 02:17. Среди «Обычных» пассажиров-манекенов он встречает Лену — ту, кто еще способен чувствовать. В этой стальной капсуле им предстоит найти изъян в паттерне реальности и выбраться, прежде чем они станут лишь частью интерьера.

Содержание

Место 37	6
Глава 1 место 37, верхняя полка	7
Глава 2. До утра	9
Глава 3: «Обычные	12
Глава 4 в тамбуре	15
Глава 5. Обратный отсчёт	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Кристаллизация: Узлы

Алексей Алексеевич Неополькин

© Алексей Алексеевич Неополькин, 2026

ISBN 978-5-0070-0683-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Место 37

Пролог

За день до отъезда, стоя у окна своего офиса на восьмом этаже и глядя на серый поток машин, Алексей понял главное: он ничего не чувствует. Ни страха перед завтрашним разговором, ни злости, ни даже обычной усталости. Был только плотный, ватный комок безразличия, заглушавший всё.

И в тот миг, глядя на жёлтый свет фонарей в сгущающихся сумерках, он мысленно, безо всякой надежды, бросил в пространство запрос. Не молитву — он не верил в Бога. Скорее, крик в пустоту, сформулированный с предельной ясностью отчаяния:

«Я не хочу ничего решать. Я не хочу этого утра. Я хочу, чтобы всё просто... продолжалось. Без меня. На автопилоте».

Он даже не почувствовал, как принял ответ. Его не было. Был лишь лёгкий щелчок в сознании, будто сработал далёкий, давно забытый механизм. И на столе, среди бумаг, бесшумно материализовался билет. Простой, слегка пожелтевший, на поезд дальнего следования. Место 37, верхняя полка. Время отправления — сегодня вечером.

Алексей не удивился. Он взял билет, спрятал его во внутренний карман пиджака, где тот лег, как что-то давно положенное и наконец-то найденное. Это было не решение. Это было капитуляция. И она принесла ему первое за долгое время чувство — глубочайшее, всепоглощающее облегчение.

Он сел в поезд, нашёл свою полку и лёг. И когда колёса тронулись, унося его от города, от жизни, от самого себя, он подумал: «Наконец-то».

Он не знал, что поезд ждал именно этого. Не действия, а согласия. Не борьбы, а сдачи. Билет всегда был при нём. Нужно было только признать, что он хочет его использовать.

Глава 1 место 37, верхняя полка

Вагон был именно таким, каким и должен быть.

Слишком тёплым. С запахом пыли, носков и вчерашнего доширака. Занавески — выцветшие, с узором, который когда-то считался уютным. Металлические поручни липли к ладоням. Поезд дёргался на стыках рельсов с ленивой, убаюкивающей регулярностью.

Алексей лежал на верхней полке, уткнувшись взглядом в потолок. Пластик был поцарапан — кто-то когда-то вырезал там сердце и кривые инициалы. Он подумал, что завтра будет тяжёлый день. Совещание. Разговор, которого он избегал уже год.

Поезд шёл.

Внизу храпел мужчина. Через проход женщина шепталась по телефону, прикрывая микрофон ладонью, будто тайна могла протечь через пальцы. Ребёнок пару раз всхлипнул и затих. Всё было настолько знакомо, что мозг отключался сам.

Он посмотрел на часы.

02:17.

Через какое-то время — он не смог бы сказать, через сколько именно — он посмотрел снова.

02:17.

Алексей нахмурился, постучал по стеклу. Часы шли. Секундная стрелка двигалась. Всё честно. Он поднёс их к уху — тикали.

За окном была ночь. Лес. Чёрный, плотный, как спрессованная тень. Ни огней, ни станций.

— Долго ещё? — пробормотал мужчина снизу, не просыпаясь.

— До утра, — автоматически ответил Алексей и сам удивился, откуда знал.

Он спустился, натянул куртку и пошёл за кипятком. Коридор был узкий, бесконечно знакомый. Он прошёл мимо купе, где кто-то ел курицу из фольги. Мимо плачущего младенца. Мимо парня в наушниках, который смотрел в пустоту.

Один вагон. Второй. Третий.

На пятом он замедлил шаг.

На шестом остановился.

Вагоны были одинаковыми. Не «похожими» — одинаковыми до царапины на столике, до пятна на полу, до узора занавесок. Даже храп повторялся с тем же ритмом.

— Извините... — сказал он женщине у окна. — Это какой вагон?

Она посмотрела на него устало, как на идиота.

— Наш. А что?

— Я... кажется, заблудился.

— В поезде? — она усмехнулась. — Молодой человек, вам спать надо. Мы в Казань едем. На следующей выходим.

Он хотел сказать, что следующей нет.

Но в этот момент по коридору прошла проводница с подносом.

— Чай будете? — спросила она ровным, отработанным голосом.

— Скажите, — Алексей почувствовал, как пересохло во рту, — сколько ещё ехать?

Проводница даже не замедлила шаг.

— Поезд следует по маршруту, — ответила она. — Все остановки согласно расписанию.

— Но расписание...

— Чай с сахаром или без?

Поезд дёрнулся. Колёса застучали ровнее. Где-то далеко, очень далеко, что-то продолжало ехать — не имея ни начала, ни конца, ни причины остановиться.

И самое страшное было в том,

Что он всё ещё хотел просто вернуться на своё место.

Стук колёс, мерный ритм и покой,

Поезд плавно уносит нас вдаль.

Я любуюсь вечерней страной,

Сбросив груз и былую печаль.

Чай горячий в резном подстаканнике,

Слышен ложечки звонкий металл.

Глава 2. До утра

Алексей закрыл глаза, но сон не приходил. Он лежал, прислушиваясь к гулу колёс, который перешёл из отдельного стука в сплошной, почти живой гул. Этот гул заполнял всё — пространство под рёбрами, пространство в голове, вытесняя любые мысли, превращая их в лёгкий, невесомый сор, который просто колыхался на периферии сознания. Поезд шёл ровно, без рывков, будто катился по идеально гладкому стеклу. Такая плавность была неестественной,стораживающей, как затишье перед глубокой ночью в глухом лесу. От этого было спокойно. Слишком спокойно. Такое спокойствие не убаюкивало — оно парализовало. Оно как будто снимало с него всю ответственность за необходимость бодрствовать, думать, действовать, словно говоря: «Ты уже ничего не должен. Просто лежи».

«Ничего, — механически подумал он, отгоняя легкую, но цепкую тревогу. — До утра ещё далеко». И тут же осознал, что это «далеко» не имело никакого измеримого смысла. Часы-то стояли.

Утро в его голове было не временем суток, а событием, тяжёлой и неподъёмной глыбой, которая ждала его в конце этих рельсов. Оно начиналось не с рассвета, а с холодного света энергосберегающих ламп в коридоре офиса на восьмом этаже. С запаха дешёвого кофе из автомата и старой пыли на серверных стойках. С длинного стола в переговорной, за которым люди смотрят не друг на друга, а в экраны ноутбуков или в папки с бумагами, уже давно никому не нужными, кроме архива. С совещания, на котором всё уже давно решено кем-то другим, где-то наверху, но формально нужно обсудить, сделать вид, что мнение каждого что-то значит. И с того самого разговора после — короткого, неловкого, от которого нельзя отвернуться, если ты всё ещё пытаешься считать себя взрослым, ответственным человеком, а не просто винтиком, который может тихо заржаветь на своём месте.

Он перевернулся на бок, и полка тихо, поскрипывая, уступила его весу. Внизу кто-то всхрапнул, крикнул, пробормотал что-то невнятное и снова затих, погрузившись в свой собственный, ничем не нарушаемый мир. Алексей ему почти позавидовал.

Алексей уже знал наизусть, что скажет завтра. Он прокручивал эти фразы в голове уже месяц, если не больше, каждый раз немного меняя формулировки, переставляя акценты, смягчая острые углы, зашкуривая шероховатости. В одних версиях он был спокойным, разумным, почти философски принимающим. В других — резким, прямым, почти честным, выплёскивающим наружу всё, что копилось годами. Иногда он представлял, что просто молчит, смотрит в окно на серые крыши города, а всё как-то решается само собой, без его участия, магическим образом.

Но он-то знал, что ничего не решалось. Магия не работала. Всё требовало действий, слов, поступков. А сил не было. Была только усталость, тягучая, как этот ночной полумрак в вагоне.

И поезд был удобен именно этим — здесь не требовалось ничего решать. Совсем. Он ехал — и этого было достаточно. Всё уже было сделано за него: билет куплен (кем? Он с трудом вспомнил момент покупки), место занято, маршрут задан неведомым диспетчером. Ответственность была аккуратно распределена заранее между стальными стрелками, деревянными шпалами, рельсами, уходящими в темноту, и расписанием, которое кто-то когда-то составил,

не спрашивая его мнения. Он был лишь пассажиром. Пассивным, ведомым, временным содержимым этого стального кокона.

Он открыл глаза и снова уставился в потолок, в тот самый царапанный пластик. Сердце с кривыми инициалами «М.К.» или «Н.С.» (сложно было разобрать) всё ещё было там, белесый шрам на тёмной поверхности. Алексей попытался представить человека, который вырезал его. Было ли это давно? Он был пьян от свободы и дороги? Или, наоборот, тосковал? Хотел оставить хоть какой-то след в этом безликом пространстве, доказать себе, что он здесь был, что он не призрак? Или это была просто скука, та самая, что гложет и Алексея сейчас?

«Глупости, — с силой подумал он, отгоняя навязчивые образы. — Бессонные бредни». Он снова закрыл глаза, вжавшись головой в слегка пахнущий стиральным порошком подушку-сидушку.

В этот момент за окном мелькнула редкая, прерывистая цепочка жёлтых огней — то ли одинокий посёлок, притулившийся к полотну, то ли маленькая станция, на которой этот поезд не останавливался уже лет двадцать. Свет проскочил по вагону стремительной, неровной полосой, на секунду высветив узор занавески, складки на куртке, висящей на крючке, и тут же исчез, растворившись в непроглядной черноте. Как будто его и не было. Лес, тёмный и безразличный, снова сомкнулся за стеклом, плотной, живой стеной.

И тут его пронзила странная, острая мысль: а что, если поезд вдруг остановится? Не на станции, а просто так, посреди этой ледяной ночи и глухого леса? Гул колёс стихнет, наступит оглушительная, давящая тишина. И ему придётся встать. Собрать свои нехитрые вещи из сетки под потолком. Натянуть куртку. Выйти в холодный, промозглый коридор. А потом — на улицу, в эту непроглядную тьму. И идти. Куда? Вперёд? Назад? Идти самому, без направляющих рельсов, без расписания, без гарантированного тёплого места в конце пути. От этой мысли стало физически не по себе, по спине пробежал холодок, будто от сквозняка из щели в раме.

Нет. Гораздо, неизмеримо лучше было просто ехать. Позволить невидимой силе везти его туда, куда положено. Даже если «положено» вело к тому самому утру и тому самому разговору. Движение, даже бессмысленное, создавало иллюзию цели. Остановка же означала полную, беспросветную стагнацию.

В голове, словно из ниоткуда, всплыли слова, обрывок ритма:

...мерный ритм и покой...

Алексей нахмурился в темноте. Он не помнил, откуда это. Не песня, не строчка из книги, не обрывок рекламного слогана. Просто фраза, идеально, до жути точно совпавшая с тем, что он чувствовал сейчас: ритм без развития, покой без отдыха. Замкнутый круг.

Поезд, будто в ответ на его мысли, слабо, почти нежно дёрнулся на очередном стыке рельсов и продолжил свой путь с той же гипнотической монотонностью. Алексей мельком взглянул на часы на запястье. Светящиеся стрелки по-прежнему показывали 02:17.

Он не стал проверять снова, не стал трясти руку или подносить часы к уху. Он принял этот факт, как принимал уже многое в последнее время — без возмущения, почти с покорностью. Просто ещё одна деталь этого странного, затянувшегося момента.

Алексей потянулся, подтянул края куртки, устроился поудобнее, подложив ладонь под щёку, и позволил векам сомкнуться окончательно. Не для того чтобы уснуть — сна всё равно не было. А просто чтобы не видеть этот потолок, это окно, эту неизменную картину. Чтобы на время отключить хотя бы одно из чувств.

До утра — того самого, событийного, тяжёлого — было ещё далеко.

А поезд шёл. Беззвучно, неумолимо, убаюкивающе. Увозя его вглубь ночи, которая, казалось, никогда не кончится.

Мы — дорожные добрые странники,

Среди тех, кто от шума устал.

Глава 3: «Обычные

«

Возвращение на место 37 было похоже на ритуал поражения. Шаг за шагом по знакомому коридору — мимо того же пятна на линолеуме, мимо двери купе, из-за которой доносился всё тот же приглушенный смех. Алексей закинул ноги на верхнюю полку и снова оказался в своей вертикальной могиле. Потолок с выцарапанным сердцем принял его безмолвно.

«Не сходить с ума, — мысленно повторил он новую, хрупкую мантру. — Наблюдать. Запоминать».

Сначала он решил заняться соседями по купе. Их было трое.

Напротив, на нижней полке, лежал старик. Не спал. Не читал. Просто лежал на боку, лицом к стене, и в полутёмном свете ночника Алексей разглядел, что тот перебирает что-то в руках. Фотографии. Старые, потёртые на углах. Мужчина методично, раз за разом, перекладывал одну и ту же стопку: первая — свадьба, молодые люди в старомодных костюмах; вторая — ребёнок на качелях; третья — та же женщина, но уже седая, на фоне какого-то санатория. Щелчок пальца по краю. Переклад. Свадьба. Качели. Санаторий. Без выражения на лице. Без вздоха. Процесс, лишённый даже намёка на переживание. Алексей смотрел на него десять минут, двадцать. Ритм не менялся. Старик ни разу не взглянул на снимки — он просто ошупывал их края, будто проверяя наличие.

«Он не вспоминает, — с ледяной ясностью понял Алексей. — Он обслуживает память. Как станок».

В купе через проход, за полуоткрытой занавеской, женщина качала младенца. Её голос, усталый и монотонный, напевал одну и ту же колыбельную. Всего четыре строчки, простейшая мелодия.

Спи, моя радость, усни...

В доме погасли огни...

Песня повторялась раз за разом, без пауз, без вариаций в интонации. Младенец не плакал, не шевелился — он просто лежал на её руках, уткнувшись личиком в грудь. Женщина не меняла позы. Её взгляд был устремлен в темноту за окном, но Алексей был уверен — она ничего не видела.

А внизу, на соседней нижней полке, парень в чёрной толстовке с капюшоном. Наушники. Экран телефона освещал его безразличное лицо. Алексей осторожно спустился, сделал вид, что поправляет куртку, и мельком глянул на экран. Тот же самый эпизод. Тот же самый момент — герой произносит фразу: «Это бессмысленно, Сара!», и начинает бежать. Замирает. Начинается с начала. «Это бессмысленно, Сара!» Бег. Стоп. Начало. Парень даже не моргал.

Это было непохоже на жизнь. Это было похоже на выставку механических манекенов, изображающих жизнь. И самое чудовищное — в этой выставке не было ни зрителя, ни зрителей. Только бесконечный зал.

Алексей решился на эксперимент.

Он подошёл к старику и тихо спросил:

— Давно едете?

Старик не обернулся. Его пальцы замерли на фотографии с качелями на долю секунды, затем продолжили свой путь. Щелчок. Свадьба.

— Извините, — повысил голос Алексей. — Вы не заметили, что время...

Старик медленно повернул голову. Его глаза были влажными, тусклыми, как у очень старой собаки. В них не было ни вопроса, ни раздражения — лишь глубокая, тотальная усталость.

— Что? — просипел он.

— Время. Часы. Они не идут.

Старик моргнул, медленно, и его взгляд скользнул по Алексею, будто по предмету мебели.

— До утра ещё долго, — произнёс он ровно тем же тоном, каким Алексей сам ответил соседу ночью. И повернулся обратно к стене. Щелчок. Качели.

От этого автоматного повтора чужой фразы по спине пробежали мурашки.

Он попробовал с женщиной.

— Красивая колыбельная, — сказал он, стараясь звучать как можно обыденнее.

Она не прервала пения. Её глаза медленно, с задержкой, перевели фокус с окна на него.

— Спасибо, — прошептала она, и тут же продолжила: Спи, моя радость, усни...

— Ребёнок не просыпается? — настаивал Алексей, чувствуя, как его собственный голос становится неестественно громким в этом гудящем вакууме.

Она покачала головой, не прерывая ритма укачивания. Её движения были такими же точными и безжизненными, как маятник.

— Он спит. Все спят. До утра.

Фраза «до утра» прозвучала как заклинание. Как пароль. Как единственный известный им ответ на любой вопрос.

Алексей отступил. Он снова забрался на свою полку, прижался лбом к прохладному пластику окна. За стеклом по-прежнему неслись чёрные силуэты деревьев, сливавшиеся в сплошную, безнадёжную стену.

«Они — часть этого, — думал он, глядя на отражение своего искажённого лица в стекле. — Они как мебель. Как эти царапины на столике. Они не пассажиры. Они — декор. Чтобы пассажир, то есть я, не чувствовал себя совсем одиноко».

Мысль была невыносимой. Но она объясняла всё. Их пустые взгляды. Их заикленные, ритуальные действия. Их полное отсутствие тревоги. Они не замечали странностей, потому что для них не было ничего, кроме этой странности. Они были её тканью.

Отчаяние, густое и липкое, как смола, поднялось у него в горле. Он зажмурился. Нужно было двигаться. Что-то делать. Но что? Пройти ещё раз все вагоны? Он уже проходил. Кричать? Его бы просто проигнорировали, как назойливый звук в двигателе.

Именно в этот момент, в самом пике немой паники, его взгляд упал на тамбур в конце вагона. Дверь была приоткрыта. И там, прислонившись к холодной металлической стенке, стояла она.

Девушка. Лет двадцати пяти. В мятом чёрном свитере, джинсах. Она не смотрела в окно. Она смотрела на свой телефон, зажатый в белой от напряжения руке. Большой палец судорожно бил по кнопке включения. Экран оставался чёрным, мёртвым. Она била снова. И снова. Потом поднесла его к самому лицу, будто пытаясь разглядеть хоть какую-то искру жизни в глубине стекла, и Алексей увидел, как она прикусила нижнюю губу. Так сильно, что выступила алая капля крови.

Это не было действием «Обычного». Это была плоть, боль, отчаянная, живая ярость. Настоящая.

Сердце Алексея гулко ударило где-то в основании горла. Он не думал. Он слез с полки и пошёл к тамбуру.

Шаги походки казались ему невероятно громкими. Гул колёс внезапно отступил, превратившись в фон. Он остановился в двух шагах от неё. Она не сразу заметила его, погружённая в свой мёртвый экран.

— Не работает? — спросил он, и его собственный голос показался ему хриплым, незнакомым.

Девушка вздрогнула и резко подняла голову. Глаза — широко раскрытые, зелёные, с краснотой у век. В них мелькнула паника, потом оценка, потом та же тень отчаяния, что он видел в своём отражении.

За окошком мелькают огни,

Лес укутан ночной каймой.

В этом мире мы будто одни,

Глава 4 в тамбуре

Молчание в тамбуре было густым, звенящим, нарушаемым только вечным, усыпляющим гулом колёс. Алексей и девушка — она назвалась Леной — стояли, прислонившись к холодным стенкам, два островка живой паники в застывшем море автоматизма.

— У меня... тоже, — наконец сказал Алексей, показывая на часы. — Стоит. С самого начала. Точнее, с того момента, как я... согласился.

— «Согласился»? — Лена приподняла бровь. Напряжение в её позе немного спало, сменившись жадным, болезненным интересом.

— Длинная история. А у тебя? Как ты поняла, что... — он мотнул головой в сторону вагона, где старик перебирал фотографии, а женщина пела одну и ту же строчку.

— Поняла? Я не поняла. Я почувствовала. Сначала думала — просто бессонница, стресс. Еду к сестре, проблемы... — она махнула рукой, отсекая ненужные детали прошлой жизни. — Потом села играть в телефон. Отключился. Думала, сел. Полезла за пауэрбанком. Он был полный. Вставила — ничего. Потом заметила, что за окном уже часов пять одна и та же поляна с покосившейся берёзой мелькает. Спросила у проводницы, что за станция. Она сказала: «Следующая — по расписанию». И улыбнулась. Такая... пустая улыбка.

Она снова судорожно нажала кнопку на телефоне. Чёрный экран отразил её искажённое гримасой лицо.

— Он не мёртвый, — вдруг осенило Алексея. — Батарея там есть. Он просто... не видит времени. Как и всё здесь. Он часть этого.

Лена сжала губы, пряча телефон в карман.

— А они часть этого? — она кивнула в сторону купе.

— Думаю, да. Они как фон. Как эти занавески. Чтобы нам не было так одиноко сходить с ума.

— Прекрасная компания, — она горько усмехнулась. — Значит, мы с тобой... проснулись.

Это слово повисло в воздухе. Оно было точным и от этого ещё более жутким. Проснулись. Остальные — спали. Им снился один и тот же сон под названием «До утра».

— Что будем делать? — спросил Алексей, и в его голосе прозвучала та самая беспомощность, от которой он бежал, садясь в этот поезд.

— Не знаю, — честно ответила Лена. — Но стоять здесь, в тамбуре, и ждать, пока мы сами не станем такими же... — она не договорила, но Алексей понял. Они будут. Каждый цикл «Обычного» действия, каждая повторяющаяся мысль будут стирать их чуть сильнее. Старик с фотографиями, женщина с колыбельной — они, наверное, тоже когда-то что-то чувствовали.

— Нужно искать других, — решительно сказала Лена, выпрямляясь. Её зелёные глаза, ещё красные от слёз ярости и отчаяния, теперь горели холодным, ясным огнём. — Если мы есть, значит, могут быть и ещё такие. Не все же тут мебель.

Она говорила «мебель» тем же тоном, каким Алексей думал об этом минуту назад. Это было подтверждение. Они говорили на одном языке — языке тех, кто видит абсурд.

— Я уже ходил, — сказал Алексей. — Вагоны повторяются. Один в один.

— Тогда пойдём вместе. И будем не просто смотреть, а... будить. Спрашивать не про время, а про них самих. Про то, что они чувствуют. Может, это ключ.

Это было безумно. Но это было действие. И после часов парализующего бездействия даже безумие казалось спасением.

— Хорошо, — кивнул Алексей. — Но сначала — мой вагон. Мне нужно кое-что проверить. На моей полке есть царапина. Сердце. Если мы снова её увидим в «другом» вагоне...

Они обменялись взглядом, полным мрачного понимания. Им предстояло не просто путешествие. Им предстояла перепись ада.

Лена шагнула первой, отодвинула тяжёлую дверь тамбура. Тёплый, спёртый воздух плацкарта, пахнувший пылью и лавровым листом, обволок их. Впереди был бесконечный коридор, уставленный абсолютно знакомыми, абсолютно чужими лицами.

В этой капсулы ставшей робной

Глава 5. Обратный отсчёт

Шаги по бесконечному коридору перестали быть просто шагами. Каждый звук теперь отдавался в висках пульсацией нарастающей паники. Алексей шёл за Леной, цепляясь взглядом за её спину, за мятый свитер — единственную точку отсчёта в этом калейдоскопе повторений. Её решимость была ледорубом, которым она рубила спёртый, убаюкивающий воздух. Но даже ледоруб тупеет о лёд.

Первые вагоны сливались в один смиренный паттерн. Храп, мерцание экрана, ритмичное качание. Они уже не пытались заговаривать. Правило установилось само: «Обычные» были не людьми, а элементами интерьера, движущимися обоями. Обращаться к ним — всё равно что кричать на узор занавески. Это унижало не их, а того, кто ещё способен на крик.

На пятом или шестом вагоне (счёт потерял смысл) Лена остановилась как вкопанная. Она смотрела на верхнюю полку у окна. Алексей последовал за её взглядом и почувствовал, как холодная игла проходит по позвоночнику.

На полке лежал мужчина. Лицом к стене. Над ним, на потолке из поцарапанного пластика, было вырезано сердце. И кривые инициалы.

Это была точная копия его места. Места 37.

— Это... мой вагон? — глухо спросил Алексей, чувствуя, как реальность уходит из-под ног.

— Нет, — твёрдо сказала Лена. Она подошла ближе и указала на сетку для багажа. — В твоей, в той, первой, в углу сетки была дырка, зашитая синей ниткой. Здесь её нет. Это другой вагон.

Она была права. Деталь-призрак, которую он сам не заметил. Но композиция была идентичной. Та же поза спящего (или того, кто притворялся спящим), та же царапина.

— Он копирует не только пространство, — прошептала Лена, и в её голосе впервые прозвучало нечто, похожее на благоговейный ужас. — Он копирует ситуации. Состояния. Твой вагон — это вагон человека, который сдался. И он ставит такие же вагоны на поток. Как штамповку.

Мысль была чудовищной. Поезд не просто повторял мебель. Он тиражировал экзистенциальные позиции. Вагон тоски. Вагон апатии. Вагон паранойи. И они с Леной ходили по этой бесконечной выставке человеческих капитуляций.

Их молчаливый поход приобрёл новый, жуткий смысл. Теперь они вглядывались в детали, ища не отклонения, а оттенки кошмара. В одном купе женщина не пела колыбельную, а бесконечно стирала одно и то же пятно на скатерти салфеткой, уже давно сухой. В другом — мужчина строчил в блокнот, заполняя страницы одним словом: «НеконтролируемоНеконтролируемо...» Его губы шевелились в идеальном, беззвучном ритме. Он был «проснувшимся», чьё пробуждение обернулось маниакальной попыткой задокументировать абсурд, стать его

писцом. Он не видел их. Он видел только врага — неконтролируемость бытия — и сражался с ним буквами.

— Он уже потерян, — сказала Лена, и это был приговор. — Он думает, что борется, но он просто выдаёт билеты на новый аттракцион. Свой собственный.

Алексей почувствовал тошнотворную близость к этому человеку. Разве его собственное желание «наблюдать и запоминать» не было той же монетой, только другого достоинства? Попыткой навести порядок в хаосе каталогизацией?

Отчаяние вернулось, густое и липкое. Оно копилось с каждым идентичным вагоном, с каждой новой вариацией на тему поражения. Он ловил себя на том, что начинает предсказывать, кто где будет сидеть. Мозг, отчаявшись понять, начал привыкать. А привычка здесь была первой стадией превращения в «Обычного».

— Я не вынесу ещё одного вагона с колыбельной, — сквозь зубы проговорил Алексей, останавливаясь. — Мой мозг взорвётся.

Лена обернулась. Её лицо в синеве ночника было бледным, но решимость в глазах не угасла, она лишь закалилась, как сталь в мороз.

— Тогда перестанем смотреть на них. Начнём смотреть на него. На Поезд.

Она подошла к стене в конце коридора, у тамбура. Провела ладонью по стыку между стеной и полкой.

— Всё здесь немного... стёртое. Следы есть, но они не накапливаются. Вот царапина. Она есть в каждом вагоне. Но на ней нет пыли. Нет ощущения времени. Как будто её не наносили, а... отпечатали вместе с вагоном.

Она присела на корточки, рассматривая пол.

— Линолеум. Одинаковый износ под каждой дверью купе. Идеально симметричный. В реальности так не бывает. Реальный износ — это хаос. Здесь же — паттерн. Декорация износа.

Алексей присоединился к ней. Это было гениально и просто. Перестать видеть людей как людей, а вагон как вагон. Увидеть его как конструкцию. Сбросить эмоциональный груз и включить холодное, аналитическое восприятие. Это был их способ не сойти с ума — превратить кошмар в инженерную задачу.

Они пошли дальше, но теперь их глаза выискивали не живые души, а дефекты тиражирования, следы «производства».

И на десятом вагоне (или пятнадцатом) они нашли первый сбой.

В углу, под сиденьем у окна, линолеум был не просто потёрт — он был прожжён. Небольшое, корявое пятно, как от сигареты, которую прижали и забыли. И рядом — крошечный осколок стекла, не от бокала, а от флакона духов или лекарства. Его там не должно было быть. Это не входило в «паттерн износа».

Лена осторожно подняла осколок. Он был холодным. На краю виднелся след какого-то тёмного, засохшего вещества.

— Кто-то был здесь до нас, — тихо сказала она. — По-настоящему. Чувствовал, злился, может разбил что-то. И это... осталось. Нарушило шаблон.

— Значит, шаблон можно нарушить, — сказал Алексей, и в его голосе прозвучал первый за много часов отзвук надежды.

— Или шаблон это предусматривает, — мрачно парировала Лена. — Как предусматривает царапину на потолке. Чтобы создать иллюзию уникальности.

Они спорили шёпотом, стоя над этим крошечным свидетельством чужой ярости. Это был их первый настоящий диалог не о побеге, а о природе тюрьмы. И в этом диалоге они чувствовали себя более живыми, чем за всё время пути.

Именно тогда свет в вагоне дрогнул.

Не выключился. Дрогнул. Словно лампочка на долю секунды получила больше напряжения. И в этот момент Алексей увидел — нет, почувствовал — нечто за окном.

Там, где всегда была непроглядная тьма и мелькающие силуэты деревьев, на одно мгновение проступил контур. Огромный, размытый. Не дерево и не гора. Что-то правильное, геометрическое. Огромная, тёмная арка? Опора моста? Но моста здесь не могло быть. А потом свет вернулся в норму, и за стеклом снова захлестнула чёрная, жидкая темень леса.

— Ты видел? — выдохнул он.

— Да, — кивнула Лена, прижавшись лбом к холодному стеклу. — Он не просто едет по лесу. Он... проецирует его. Или проезжает сквозь что-то, что выглядит как лес. А иногда проекция дает сбой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.